

ОТ УСТЬЯ К УСТЬЮ (отрывок из очерка)

... Издалека в синем просторе начинает маячить полуразрушенная колокольня. Это – Спас-Камень. Потом обозначается берег; за курчавой зеленью прибрежных раkit появляются пашни, деревни, сёла, расположенные вдоль Большой дороги – старинного почтового тракта Вологда-Кириллов; в устье реки Ельмы подымается тонкая труба Новленского льнозавода, белеют крыши заводского посёлка, густеют сады деревни Каргачёво... Родные с детства, овейные стариной и поэзией места.

... Сколько раз ты уезжал сюда, в устье Ельмы, рыбачить! Рыбачить – это видеть небо и воду, уставать неимоверно, бросаться на сено и мгновенно засыпать. Как для Фёдора Протасова цыганская песня – это степь, это десятый век, это не свобода, а воля, так для тебя мельканье паруса в волнах Кубенского озера – это древние новгородцы, это деды и прадеды – рыбаки, это воля в том изначальном смысле слова, в котором о ней сказано в «Живом трупе» Толстого и «Листригонах» Куприна.

Только здесь ты видишь, как огромно небо, как многослойны облака на закате, как черна вокруг вода, когда вечерним часом ты возвращаешься в устье Ельмы, и лишь возле тёмных кустов медно-жёлто светятся тихие заводы – в них догорают отблески позднего заката. Только здесь ты можешь встретить и первый солнечный луч, когда останешься ночевать прямо в озере, в лодке.

... Ты берёшься за вёсла, едва начинает сереть небо, гребёшь, обратив лицо к багряному сиянию, обозначившемуся вдали. Одно-единственное облачко – всё в трепетных и нежных отражениях ранней зари – оттеняет светлую беспредельность неба. Минута-другая – на краю земли вспыхивает ярко-алый уголь: время 3. 40... Заря будет разгораться до тех пор, пока из багрового полымя не выступит солнце, странное, вытянутое в длину, непрерывно источающее волны алого света. И тут же на воде задрожит огненная дорожка. Она будет дрожать и рваться на короткие полосы, пока между тёмным берегом и солнцем не образуется разрыв, заполненный всё тем же алым свечением. И чем больше будет этот разрыв, тем длиннее и длиннее будет эта пламенеющая полоса. В светлом небе пролетит бесшумно какая-то чёрная птица... Когда ты опустишь глаза, отблески раскалённой дорожки уже добегают до кормы лодки – солнце взошло...

Подобную волшебную игру света можно наблюдать на озере ежесекундно. В ясный полдень, если смотреть на озеро издалека, оно приобретает фиолетовый оттенок, а вблизи оно – густо-голубое, нет, густо-густо-голубое, такое, что кажется, будто голубизна неба многократно усилена, доведена до предельной крепости и силы и разлита вокруг тебя. Недаром говорят, по шкале голубизны – а есть и такая шкала – Кубенское озеро занимает одно из первых мест в стране. Эта голубизна пропитывает тебя насквозь, проникает во все поры тела и рождает то чувство простора и воли, без которых не может жить человек.

Перегруженный всевозможной информацией, нужными и ненужными знаниями, ты забываешь здесь о всех познаниях и сведениях, почерпнутых из книг. Того, что видишь, тебе вполне достаточно, чтобы обрести душевную целостность, гармонию, испытать её наяву, а не размышлять о слиянии внутреннего мира человека с миром природы и не прикидывать про себя, на какой высоте замерли перистые облака – восемь или десять тысяч метров, как пишут в учебниках, – просто дивиться белоснежным перьям, словно оброненным лебединой стаей...

Рыбачить – это быть солнцепоклонником, великим жизнелюбом, нетерпеливо ожидать завтрашний день, верить в хорошую погоду, в счастье, в удачу, во все добрые предзнаменования и приметы, какие существуют в мире. Ведь к озеру привыкаешь, как к чему-то одухотворённому, живому... Мой дед, Александр Александрович, в старости уже не мог рыбачить. Но он не находил себе места в избе, если с утра не взглянул: каково сегодня озеро, как оно выглядит, как ведёт себя... Рыбачить – это обновляться духовно, забывать свой возраст, свои недуги; это принимать выдумки за правду, предания – за быль... А преданий и чудесных сказов в Кубеноозерье хоть отбавляй!..

Взять хотя бы Спас-Камень. Давным-давно дело было, в незапамятные времена. Потерял здесь новгородский князь дружину. Прижали его враги к воде, грозят пленом. А он и бросился вплавь в озеро... Да разыгралась буря страшная, и стал князь тонуть. Пришла к нему сама неминуемая. Тогда взмолился о спасении князь – и произошло чудо. Озеро стихло, словно прислушалось к человеческим воплям, и ощутил воевода под ногами каменистое дно. Это дно все подымалось, подымалось, пока не стало островком в

бездрежной пучине. «Камень спас!» – воскликнул поражённый новгородец. Так и зовут этот остров Спас-Камнем.

Трудно сказать почему – видимо, атмосфера Кубеноозерья такова, – но тебе хочется верить и в чудесное спасение князя, хочется верить и в то, что если тебя застигнет на озере вспененная волна, то спасёт от неминуемой гибели чудесный Спас-Камень.

Но есть в Кубеноозерье побывальщины и предания о временах куда как древнее, чем времена новгородского князя. Рассказывают, что в ту изначальную пору вся округа была покрыта дремучими лесами. Жили люди в тех лесах и ведать не ведали, что творится в миру. Только стали они примечать, будто приносят кошки откуда-то свежую рыбу... Пошли вслед за кошками через глухую топь и вышли к камням-валунам. Тут-то они и поразились несказанному сиянию, голубой озёрной красоте: вот, мол, сколько лет не знали, какая у них под боком благодать!..

Едва ты попадаешь в устье Ельмы, как невольно поддаёшься обаянию этих дедовских сказов и преданий. А может, действительно в них слышатся отзвуки языческих верований наших предков? Их исход из тьмы северных дебрей к устьям больших и малых рек?.. Может, в них отразилось вечное стремление человека к простору и воле?.. Если бы всё это было иначе, откуда бы взяться устюжанину Ерофею Хабарову, его земляку Семёну Дежнёву? Откуда бы взяться царскому послу Непее Вологжанину, побывавшему в Лондоне, и тотемскому мореходу Ивану Кускову, который переплыл Тихий океан и построил вблизи Сан-Франциско знаменитый форт Росс?.. Наследники новгородских охочих людей, они торили первые пути из Заволочья и Двинской земли в сказочную Мангазею, в Сибирь, на Аляску, на острова Тихого океана. И память о них пребудет в веках!..

... Ты сделал бы немалое прегрешение против совести, если бы уверил себя и других, что одной природой, одними побывальщинами тебе дорого родное Кубеноозерье. Как бы ни были поэтичны эти старины, как бы ни оживала в них история древней земли, не ими одними жив современный человек. Он жив сегодняшним днём, а историческая память народа делает контуры этого дня ещё резче, ещё отчётливей. Потому-то она и необходима тебе, потому-то ты и обращаешься к ней.